

АСТРАХАНСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[ГОДЪ СЕДЬМЫЙ.]

Выходятъ еженедѣльно по воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою, равно и безъ пересылки и доставки 6 руб.

№ 15.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ г. Астрахани.

12-ГО АПРѢЛЯ 1881 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

царь польскій, великій князь финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Вступивъ на Всероссійскій Прародительскій Престоль Нашъ, Мы, въ неуклонномъ попеченіи объ охраненіи и утвержденіи спокойствія и благоденствія Государства, Всевышнимъ Промысломъ Намъ ввѣреннаго, слѣдуя примѣру незабвенныхъ Предшественниковъ нашихъ, блаженныхъ памяти Императоровъ Николая I-го и Александра II-го, признали Священною обязанностию Нашею озаботиться предугазаніемъ мѣръ, имѣющихъ быть принятыми въ случаяхъ необыкновенныхъ. Въ виду сего и принявъ въ уваженіе малолѣтства Наслѣдника Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы положили, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Учрежденія объ

Императорской Фамиліи, постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

1-е. На случай кончины Нашей прежде достиженія Любезнѣйшимъ Сыномъ и Наслѣдникомъ Нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія Императоровъ, Правителемъ Государства и нераздѣльныхъ съ онымъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго до совершеннолѣтія Его назначается Нами Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

2-е. Если Всевышнему угодно будетъ по кончинѣ Нашей воззвать къ Себѣ и первороднаго Сына Нашего, прежде достиженія Имъ совершеннолѣтія, то и по вступленіи за Нимъ, по закону о наслѣдіи, на Престолъ Всероссійскій другаго Сына Нашего, Любезнѣйшій Братъ Нашъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ долженъ оставаться Правителемъ Государства также до совершеннолѣтія сего другаго Сына Нашего.

3-е. Во всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 1-й и 2-й статьяхъ сего Манифеста, опека и надъ первороднымъ Сыномъ и надъ прочими дѣтьми Нашими, до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ, должна принадлежать Любезнѣйшей Супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли и намѣреній Нашихъ относительно управленія Государствомъ во время малолѣтства Нашего Наслѣдника, Мы, въ благоговѣнномъ уваженіи къ законамъ Нашего Отечества, устранивая заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ Насъ въ непрестанномъ попеченіи Нашемъ о вицшемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастіи Державы, отъ Бога Намъ врученной.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 14-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписанъ:
„АЛЕКСАНДРЪ“.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

1. Отъ 6—27 февраля 1881 г. № 10, о расходѣ на содержаніе причта и церкви при Баскунчанскомъ соляномъ промыслѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 20-го декабря 1880 года № 12217, въ коемъ

изъяснено: Государственный Совѣтъ въ департаментѣ Государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе о расходѣ на содержаніе причта и церкви при Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ, мнѣніемъ положилъ: на содержаніе причта и церкви при Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ (Астраханской губерніи), независимо отъ отвода 300 десятинъ изъ промысловой земли, отпущать, начиная съ 1-го января 1881 года, изъ Государственнаго казначейства *по тысячъ рублей въ годъ*. Означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 25 ноября 1880 года Высочайше утверждено. И, по справкѣ, при казали: объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“, для чего сообщить редакціи оного.

II. Отъ 13 февраля—18 марта 1881 года, за № 12, о Высочайшемъ соизволеніи на принятіе московскаго отдѣла распространія духовно-нравственныхъ книгъ подъ Августѣйшее покровительство Государыни Цесаревны.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29-го января 1881 года, за № 445, о томъ, что Государь Императоръ въ 24-й день января сего года Высочайше соизволилъ на принятіе подъ Августѣйшее покровительство Ея Высочества Государыни Цесаревны существующаго въ Москвѣ при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія отдѣла по распространію духовно-нравственныхъ книгъ, и что о таковой Высочайшей волѣ сообщено г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ преосвященному митрополиту московскому. При казали: объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи для припечатанія въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ сообщить редакціи сего журнала по принятому порядку.

III. Отъ 27 февраля 1881 года, за № 719, о книгѣ М. Поторжискаго: „Святоотеческая христоматія,—пособіе къ изученію исторіи христіанской проповѣди“ и „Историческая христоматія для изученія русской церковной проповѣди“, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 351, коимъ признается возможнымъ составлен-

ныя преподавателемъ кievской духовной семинаріи М. Поторжинскимъ: „Свято-отеческую христоматию—пособіе къ изученію исторіи христіанской проповѣди“ (Кіевъ, 1877 г.), и „Историческую христоматию,—для изученія русской церковной проповѣди (Кіевъ, 1879 г.)—одобрить для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ полезнаго пособія при историческомъ и практическомъ изученіи проповѣдничества. П р и к а з а л и: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить, и для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, съ приложеніемъ копіи съ журнала Комитета.

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателей* церковно-приходскихъ попечительствъ: при Успенской церкви слободы Николаевской, Царевского уѣзда, крестьянинъ Василій *Сидлеуцкій*, Выковской Свято-Троицкой церкви, того-же уѣзда, крестьянинъ Николай *Алтуховъ*, *членовъ* сихъ попечительствъ: перваго—крестьянинъ Григорій Герасимовъ *Самарай* и втораго—крестьяне: Ѳеодоръ *Громовъ*, Николай *Толочковъ*, Макаръ *Куракинъ*, Акинорій *Емельяновъ* и Иванъ *Галаваловъ*, и *членовъ* церковно-приходскаго попечительства Терново-Балкской Михаило-Архангельской церкви, того-же уѣзда, крестьяне: Матвѣй *Салиминъ*, Ѳеодоръ *Кононовъ* и Иванъ *Обмаевъ*,—все на трехлѣтіе; *церковныхъ старостъ*: Кисловской Николаевской церкви, означеннаго уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Бабенко*, Успенской церкви слободы Николаевской, того-же уѣзда, крестьянинъ Андрей *Дехтаревъ* и Терново-Балкской Михаило-Архангельской церкви, того-же уѣзда, крестьянинъ Тихонъ *Влховъ*,—все на трехлѣтіе (30 и 31 марта).

— **Опредѣленъ** къ Черноярскому Вознесенскому собору на штатное діаконское мѣсто бывший экономъ Орловской духовной семинаріи, діаконъ Илья *Третьяковъ* (2 апрѣля).

— **Перечислена**, согласно указу Св. Синода, изъ Оренбургской епархіи въ Астраханскую, православная Александро-Невская церковь въ ставкѣ внутренней киргизской орды, при Нарынъ-Пескахъ, и причислена, по распоряженію Астраханскаго епархіальнаго начальства, къ вѣдомству благочиннаго 2 округа Енотаевскаго уѣзда (12 марта).

— **Постриженъ въ монашество** послушникъ Іоанно-Предтеченскаго монастыря Павелъ *Скобелевъ* съ нареченіемъ Пахоміемъ (28 марта).

— **Праздныя мѣста: настоятелей** при церквахъ: Верхне-Погроминской Покровской, Царевского уѣзда, и Элитинской Николаевской, Черноярскаго уѣзда; **помощниковъ настоятелей** при церквахъ: Ганюшвинской 12 Апостоловъ, Красноярскаго уѣзда, и Средне-Ахтубинской Покровской, Царевского уѣзда; **псаломщическія**: при Красноярскомъ Владимірскомъ соборѣ и Елтонской Троицкой церкви, Царевского уѣзда.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О началѣ обыкновенія дарить другъ другу красныя яйца во дни Свѣтлыя Пасхи.

Обычай дарить другъ другу красныя яйца во время Пасхи вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою, какъ и многія другія благочестивыя обыкновенія, перешелъ къ намъ изъ Греціи; въ Греціи же съ незапамятныхъ временъ существуетъ, и донныи сохраняется о немъ слѣдующее преданіе.

По вознесеніи Іисуса Христа, Спасителя нашего, на небо, св. равноапостольная Марія-Магдалина, пришедши для проповѣди Евангелія въ Римъ, предстала императору Тиверію I, и поднесши ему красное яйцо, сказала: Христосъ Воскресе и такимъ образомъ начала предъ нимъ свою проповѣдь о Воскресеніи Спасителя. Первенствующіе христіане, узнавъ о такомъ простосердечномъ приношеніи равноапостольной жены, начали подражать ему, и при воспоминаніи Воскресенія Христова стали и сами дарить другъ другу красныя яйца. Обычай сей мало по малу распространился и содѣлался всеобщимъ въ христіанствѣ. Глубокая древность сего обыкновенія не подлежитъ сомнѣнію. Всѣ христіанскія общества, даже и не православныя, сохраняютъ его и единогласно говорятъ, что оно существуетъ въ Церкви христіанской съ самыхъ первыхъ ея временъ и ведетъ свое начало отъ примѣра равноапостольной жены.

Въ житіи равноапостольной Магдалины дѣйствительно говорится, что по вознесеніи Іисуса Христа на небо, „она преиде многія страны, благоговѣя Евангеліе, яко же и Апостолы святіи, прииде же въ Римъ и Тиверію Кесарю предста, и вся яже о Христѣ возвѣсти ему. Пилата же и архіерея въ гнѣвъ Кесаревъ введе, и пріяща тѣи по дѣломъ своимъ“. О пребываніи ея въ Римъ упоминается и въ Синаксарѣ на недѣлю Муроносиць; то же найдемъ и въ другихъ христіанскихъ исторіяхъ. Кедричь и Константинъ Мандръ-

ей, въ лѣтописяхъ своихъ; ясно говорятъ, что Марія-Магдалина дѣйствительно была въ Римѣ, и представила императору Тиверію, обвиняла предъ нимъ Пилата въ несправедливомъ осужденіи и обвиненіи Иисуса Христа.

Въ древности у язычниковъ и у Іудеевъ было обыкновеніе, являясь къ важному лицу, особенно въ первый разъ, подносить ему что-либо въ даръ отъ себя, въ знакъ уваженія и любви; примѣръ этого можно, между прочимъ, видѣть въ поступкѣ волхвовъ, приходившихъ поклониться родшемуся Иисусу съ дарами. Люди бѣдные обыкновенно приносили въ подобныхъ случаяхъ плоды или яйца домашнихъ птицъ. Ничего нѣтъ страннаго и въ томъ, что и равноапостольная Магдалина, представъ Тиверію съ проповѣдью Евангелія, поднесла ему, по обычаю, подобный даръ; каковое обыкновеніе людей бѣдныхъ, конечно, извѣстно было и Тиверію. Въ библиотекѣ монастыря св. Анастасія, близъ Фессалоники, есть древній рукописный уставъ, писанный на пергаментѣ; въ концѣ сего устава, послѣ молитвъ въ день Св. Пасхи, читается также молитва на благословеніе яицъ и сыра, и пгумецъ, цѣлуя братію, раздастъ пмъ яйца и говоритъ: Христосъ Воскресе! Такъ и мы приняли отъ св. Отцевъ, которые сохранили сіе обыкновеніе отъ самыхъ временъ апостольскихъ, ибо св. равноапостольная Марія-Магдалина первая показала вѣрующимъ примѣръ сего радостнаго дароприношенія.

Такое дароприношеніе особенно прилично христіанамъ во дни Св. Пасхи. Своею простотою и невинностію оно показываетъ христіанское простосердечіе, выражаетъ взаимное дружелюбіе христіанъ. Ибо въ дни Свѣтлаго Праздника мы даримъ другъ другу красныя яйца, при взаимныхъ изъявленіяхъ мира и любви христіанскимъ лобзаніемъ, которое сопровождается воспоминаніемъ о Воснесеніи Спасителя, примирившаго съ Собою и между собою вселчская. Притомъ, красный цвѣтъ сего дара напоминаетъ кровь Спасителя, проліянную за насъ, а имѣя свѣтлый видъ, служитъ знакомъ всеобщей радости о побѣдѣ Христа надъ смертію, Его воскресеніи изъ мертвыхъ, нашею искупленіи и возстаніи въ другомъ мірѣ. Яйцо, въ этомъ случаѣ, есть прекрасный символъ нашего возрожденія въ жизнь будущую. Изъ яйца рождается животное и вступаетъ въ жизнь птицъ небесныхъ, когда освобождается отъ скорлупы, заключающей въ себѣ его зародышъ: такъ нѣкогда и мы, отбросивъ все тлѣнное здѣсь, гдѣ лижемъ уже зародышъ о началѣ вѣчнаго бытія, силою Воснесенія Христова возродимся и воскреснемъ для другой жизни, радостной для праведныхъ. (В. Ч.).

Протоіерей Іоаннъ Самойловичъ Лебедевъ.

(Некрологъ.)

(Окончаніе) (*).

Служебная карьера Ивана Самойловича, тянувшаяся около 60-ти лѣтъ (съ 1820 г.), представляетъ не мало чрезвычайно рѣзкихъ особенностей, похожихъ на несообразности и противорѣчія. И для педагогической дѣятельности и для службы по духовно-епархіальному вѣдомству обладалъ онъ, несомнѣнно, самыми блестящими, чрезвычайно рѣдкими и не въ его время въ той средѣ, въ которой вращался онъ и избралъ самъ себѣ дѣло, качествами. — Между тѣмъ его карьеру и педагогическую и священно-служительскую епархіальную — должно признать совершенно неудавшеюся, — такъ какъ будто онъ очутился совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, взялся за дѣло на-обумъ — не имѣя ни внутренняго призванія, ни надлежащей подготовки ознакомленія съ этимъ дѣломъ. И такой судъ о почившемъ дѣятелѣ — можемъ и должны сказать съ глубокимъ убѣжденіемъ — будетъ вопіющею неправдою. Правда только въ томъ, что его силы и способности, дѣйствительно замѣчательныя въ высшей степени, добросовѣстность его отношенія къ принятому на себя дѣлу — съ полнымъ сознаніемъ его существа и значенія и требованій для его выполненія, именно по существу его, преданность къ избранному дѣлу искрення и ревностная до готовности на самоотверженіе, стали съ перваго разу и остались навсегда въ поразительно-рѣзкомъ противорѣчій съ внѣшними историческими условіями этого дѣла, съ его вѣками утвердившеюся постановкою. Ни прилаживаться къ этимъ условіямъ и постановкѣ дѣла и мириться съ ними, ни отрицать ихъ и бороться противъ нихъ по своимъ тоже весьма замѣчательнымъ личнымъ особенностямъ онъ не могъ, — вотъ и вышло что-то похожее на безысходное противорѣчіе и безплодный подвигъ подневольнаго страдальческаго безземлія!

Избралъ Иванъ Самойловичъ священническую епархіальную службу, когда имѣлъ полную возможность искать болѣе выгоднаго и виднаго мѣста, болѣе свободы и простора для своихъ не дюжинныхъ способностей и совсѣмъ не пригодныхъ на приходской священнической службѣ, сравнительно необыкновенно богатыхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, — избралъ службу епархіальнаго приходскаго священника именно потому, что эта служба не представляетъ никакой общественной карьеры. Но въ замѣтъ того она, по его убѣжденію еще

(*). См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 14.

сь молодя утврдившемуся, не требуетъ и какой нибудь особенной силы, готовности на великую упорную и неустанную борьбу, словомъ—храбрости, которая города беретъ и на неподступныя твердыни лѣзетъ и сквозь житейскую толпу, кипящую соперничающими самолюбіями, интригами и пр. идетъ во всеоружіи и непрестанно насторожѣ съ замнемъ за паузой про встрѣчнаго ближняго. Природа, одаривъ его щедро разнообразными талантами, отказала въ одномъ—для житейской битвы главнымъ—который можно назвать гениемъ инициативы и борьбы для осуществленія въ практической жизни,—въ обществѣ своихъ идей, убѣжденій, цѣлей. Онъ и рѣшилъ избрать такое служебное поприще, которое своимъ существеннымъ, жизненнымъ содержаніемъ пришлось ему какъ-разъ по душѣ развитой подъ влияніемъ высоко-религіозной семьи шотландскаго миссіонера, которое съ другой стороны представляло самыя вѣрнѣйшія гарантіи для устройства тихой, въ тѣснотѣ семейномъ кругу задушевной, искреннѣйшей, не для блеска и парада жизни, а для жизни самой, для наслажденія жизнью. Задачу православнаго приходскаго священника вообще онъ находилъ себѣ симпатичною и по силамъ. Отъ всей души благоговѣнно вѣруя въ благодатную сущность и силу православнаго священно-дѣйствія съ его обрядами, церковнаго Богослуженія—въ основномъ его составѣ, онъ думалъ, что сможетъ дать настоящее значеніе обряду и составу Богослуженія своимъ священно-служеніемъ безъ надмѣнности и лицемерія, просто и искренно, по іерейской благоговѣнной совѣсти, руководясь въ этомъ основнымъ началомъ Ап. Павла—все благообразно и по чину, и что лучше пять словъ да съ умомъ и въ назиданіе, нежели многое да несмысленно и безъ пользы. Установить свои отношенія къ небольшому кружку давнихъ прихожанъ,—по своей мысли и требованію благодетнаго сердца,—искреннія задушевные ему не стоило большого труда: всѣ его съ дѣтства знали и любили; потому что съ дѣтства и до окончанія курса семинарскаго, онъ съ своимъ отцомъ непрестанно вращался въ ихъ средѣ по семейному и съ церковными требамъ на дому и за церковнымъ Богослуженіемъ въ храмѣ. Корпорация епархіальнаго управления, особенно ея глава была, конечно, строгая; но и передъ нею молодой еще неотвѣдавшій на себѣ воздѣйствія этого величія іерей сознавалъ себя на мѣстѣ неискательнаго, непритязательнаго совершенно безобиднаго и мирнаго приходскаго священника достаточно огражденнымъ отъ этой строгости своимъ безмолвнымъ смиреніемъ; предметы церковно-приходскаго дѣла, подлежащіе контролю епархіальной власти—думалось ему—и не хитры и не многосложны,

чтобы опасаться изъ за этого неприятностей свыше. Можно было при совершенномъ отсутствіи позова въ природѣ и привычкахъ выставяться на показъ, можно было по всему разсчитывать на тихое и безмолвное житіе. Такъ оно и вышло. Только надо прибавить—вышло такъ, что съ такими безпримѣрно скромными требованіями отъ избранной служебной карьеры, при особенностяхъ характера и убѣжденій Входеоіерусалимскій іерей съ перваго же разу сталъ въ средѣ городского духовенства особнякомъ; похоже было на то, какъ будто его и не примѣчалъ никто—ни рядовая братія, ни епархіальное начальство. Для всякаго другаго отъ этого было-бы тѣсно и обидно; Онъ-же этому былъ радъ; потому что покойнѣе, безопаснѣе. Неизвѣстно—самъ-ли онъ почему-либо пожелалъ перемѣститься къ другой—Петропавловской церкви, къ которой присоединена и церковь тюремнаго замка съ ея богомольцами, или же перемѣщенъ по распоряженію начальства—безъ его согласія: только служилъ при ней не долго и по просьбѣ возвращенъ снова къ Входеоіерусалимской. Нѣтъ сомнѣній,—поспѣшилъ онъ возвратиться къ своимъ первымъ дѣтямъ духовнымъ потому главнымъ образомъ, что созналъ отсутствіе въ себѣ силы и умѣнья, потребныхъ для пастырскаго воздѣйствія на таковую паству, какова у насъ въ тюремныхъ замкахъ. Конечно и для самого себя не жданны, не желанно и негаданно попалъ онъ въ присутствующіе Консисторіи. За протоколами и журналами оказался дѣльцомъ не только не подходящимъ, но просто невозможнымъ.—Онъ, кажется, вѣровалъ, что консисторскія дѣла не только можно, а и должно рѣшать по человѣческому разумѣнію и совѣстному—личному убѣжденію,—помимо регламентовъ и инструкцій; къ тому-же и слогомъ консисторскимъ онъ не владѣлъ, да и вообще имѣлъ несчастное, необъяснимое свойство излагать свои мысли на бумагѣ очень затѣйливо. Его поэтому откомандировали для разбора дѣлъ архивныхъ съ цѣлію—освободить тѣсное архивное помѣщеніе отъ накопившагося хлама и оставить дѣла только потребныя на какіе-либо возможные случаи или же особенно важныя по важности содержанія. Иванъ Самойловичъ былъ радъ этому новому занятію въ архивной пыли и плесени; но распорядился тутъ на полной и безконтрольной свободѣ чрезвычайно своеобразно. Онъ нашелъ два сорта дѣлъ: однѣ съ пустыми безобидными формальностями, неизмѣнно идущими изъ году въ годъ; другія наполнены и переполнены злостными клевами, мерзостями скандальными, возмутительными. Первые онъ сохранилъ для потомства или на съѣденіе крысамъ (какъ выражался самъ покойный); но

последнія—всѣ, какія попадались ему на глаза и обслѣдованы, конечно, съ крайнею брезгливостью, осуждались безпощадно къ сожженію. Когда замѣтили при случаѣ объ этой расправѣ съ консисторскимъ архивомъ и высказали сожалѣніе, что многое т. е. содержательное и для будущаго историка характерное теперь утрачено, покойный отвѣчалъ: „Помилуйте! Какъ возможно беречь документы объ этихъ мерзостяхъ? Божій судъ давно совершился надъ ними и, чаятельно, изгладилъ; а тутъ какой-нибудь черезъ сотни лѣтъ будетъ поднимать такую вонючую грязь и забрасывать ею покойниковъ! Какъ можно!“ Эта брезгливость къ мерзостямъ дѣль человѣческихъ однажды повела его подъ серьезную грозу.—Дѣло было такъ: у Ивана Самойловича былъ дурной причетникъ, часто и много причинявшій ему оскорбленій своею несправедливою по церковно-служенію. Избыть его онъ не могъ, но и выносить его оскорбленія молча также не могъ и, конечно, озлоблялъ его своими вспыльчивыми внушеніями. Готовившаяся къ таинству причащенія духовная дочь его—особа образованная, очень молодая, негливая просила духовнаго отца дать ей молитвословъ для прочтенія молитвы на дому и указать эти молитвы. Иванъ Самойловичъ, въ присутствіи своего причетника, указывая вопрошавшей порядкомъ вечерняго и утренняго приготовительнаго къ причащенію правила, остановился на одной молитвѣ Меѳафраста, гдѣ помѣщены два каталога ужасныхъ—даже противъ-естественныхъ человѣческихъ мерзостей и, замѣтивъ, что этого ей читать не нужно, вырвалъ изъ молитвослова листы съ этою молитвою и въ такомъ видѣ передалъ молитвословъ, а листы вырванные откинулъ на подоконникъ. По выходѣ его изъ храма, причетникъ подобралъ вырванные листы, настроичилъ обстоятельный, съ прибавленіями своего измышленія, доносъ и представилъ его съ полиціямъ начальству. Дѣло это, благодаря только особенной случайности, оставлено безъ послѣдствій. Въ шестидесятыхъ годахъ преосвященный Аванасій поручилъ Ивану Самойловичу приготовительныя работы по устройству и скорѣйшему открытію женскаго епархіальнаго училища. Организаторомъ учебно-воспитательныхъ заведеній (порученное ему предполагалось закрытое) и уставщикомъ онъ никогда не былъ, да и не могъ быть; но здѣсь ему и не приходилось брать на себя эту обузу бумажную; для сего былъ и особый комитетъ при консисторіи подъ предсѣдательствомъ ректора семинаріи, созывались въ консисторію и экстренныя собранія всего градскаго духовенства съ участіемъ представителей мѣстной духовно-учебной педагогической корпораціи для

обсужденія проекта положеній училищнаго устава. На долю Ивана Самойловича досталось порученіе: заняться ни мало немедля, независимо отъ консисторіи, комитета и соборныхъ разсужденій, окончаніемъ дѣла о покупкѣ избранныя подѣ училище дома, приготовленіемъ его къ помѣщенію на первый разъ 10—12 пансіонерокъ-сиротъ, устройствомъ всего необходимаго для ихъ содержанія, заготовкою всѣхъ принадлежностей первоначальнаго пока обученія (въ составъ перваго курса училища преосвященный указалъ избрать малолѣтнихъ дѣвочекъ-сиротъ изъ деревень). Этому порученію радъ былъ онъ неслыханно и между прочимъ потому, что могъ приступить къ дѣлу неожиданная приказовъ и инструкцій. Дѣло у него закипѣло. Домъ приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія, снабженъ всѣми хозяйственными и учебными принадлежностями. Готовы были хоть разнокалиберныя и сбродныя парты, скамьи, табуреты, столы койки, постельные приборы, бѣлье, платья, обувь, кухонная и столовая обстановка и проч. Иконостасъ, хранившійся въ верхней Архіерейской молельнѣ, приспособленъ къ домовою церкви. Потребныя матеріалы, конечно, были частію куплены, частію собраны въ видѣ вышедшей изъ употребленія домашней или школьной рухляди; но все это прошло черезъ руки единственнаго мастера на всѣ руки—столяра, красильщика, плотника, закройщика. Черезъ 10-ть лѣтъ, когда въ этомъ училищѣ было ужъ до ста воспитанницъ, и помѣщеніе оказывалось уже крайне недостаточнымъ, а нижній этажъ и неудобнымъ отъ сырости, мы нашли еще всѣ устроенныя руками Ивана Самойловича долгосрочныя школьныя и хозяйственныя принадлежности и домовую церковь въ томъ видѣ, какъ все имъ устроено и скрѣплено,—даже голубая краска на мебели уцѣлѣла. Все это приготовлено имъ неизмовѣрно быстро. Преосвященный вызвалъ пансіонерокъ, нарядилъ имъ въ начальницу казначею мѣстнаго монастыря, освятилъ домовую церковь и открылъ торжественно училище. Иванъ Самойловичъ очутился во главѣ ближайшаго училищнаго начальства. Но не желая продолжать эту службу, онъ попросилъ освободить его отъ оной. Владыка просьбу призналъ резонною и старецъ получилъ увольненіе.

Приходскій священникъ долженъ быть служителемъ Слова Евангельскаго, проповѣдать благовременно и безвременно. Иванъ Самойловичъ обязанность эту долженъ былъ исполнять по крайней мѣрѣ первые тридцать лѣтъ—на службѣ приходской. Эту обязанность онъ признавалъ обязательнѣе всѣхъ даже другихъ, но исполнялъ

ее по своему—только въ интимной бесѣдѣ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, на духу; и никогда никто не помнитъ, чтобы онъ по своей охотѣ не въ указанную очередь проповѣдничалъ въ своей приходской церкви по праздникамъ напр. предъ церковнымъ собраніемъ. Очередныя проповѣди, по назначенію начальства, онъ готовилъ, представлялъ и можетъ быть произносилъ (намъ не приходилось слышать). Но его форменныя проповѣди и не на нашу современную вкусъ—представляютъ безвкусную пестроту. И онъ будто простодушно держался той вѣры, что парадныя проповѣди иначе и не могутъ и не должны являться на духовную цензуру, какъ въ этомъ нарядѣ. Между тѣмъ астраханскоградское духовенство знаетъ близко, непосредственно—каждый по личному опыту, что покойный обладалъ способностью говорить прекрасно—необыкновенно просто и естественно, чрезвычайно живо, мѣтко, задумчиво, нетеряясь и не разбрасываясь, стройно и отчетливо, съ полною свободою и самообладаніемъ. Содержаніемъ его бесѣды было цѣльное, живое и жизненное православное богословіе. Такъ бесѣдовалъ съ нами покойный на духу; такъ называемыя общія отвлеченныя положенія исходили изъ устъ его полными живаго, возбуждающаго къ живой работѣ душу, смысла. Онъ былъ свѣтлый, строго-православный богословъ и глубокой душевѣдъ. Именно тутъ—въ качествѣ духовника—былъ онъ совершенно на своемъ мѣстѣ, именно тутъ—на мѣстѣ духовника—открывалась его прекрасная душа съ прекраснымъ богатствомъ своего содержанія, съ своими чистыми помыслами и стремленіями, съ своими воззрѣніями и убѣжденіями; и все это лилось живымъ потокомъ прекрасныхъ рѣчей; а передъ публикою и начальствомъ онъ всегда сжимался, прятался въ непроницаемую раковину и въ ней беззвучно замыкался.

По окончаніи семинарскаго курса, Иванъ Самойловичъ началъ свою служебную дѣятельность съ духовнаго училища; былъ на педагогической службѣ 35 или болѣе лѣтъ; очень короткое время былъ законоучителемъ въ мѣстной гимназіи; закончилъ педагогическую карьеру на должности преподавателя татарскаго языка въ духовной семинаріи. Неимѣемъ никакого понятія о его учительствѣ въ духовномъ училищѣ,—то было слишкомъ давно; его ученики, по всей вѣроятности, и доселѣ есть на лицо между лицами даже градскаго духовенства; ни отъ кого изъ нихъ не приходилось слышать о своемъ учителѣ ни худаго ни добраго слова. Изъ этого можно выводить, что его служба въ училищѣ была безцвѣтная, ни по чему не примѣчательная, и памяти по себѣ не оставила. А по догадкамъ, на основаніи его личнаго характера,

можно сказать, что онъ потому и не памятенъ, что не далъ и не могъ дать по себѣ памяти, какъ его сослуживцы до тридцатыхъ, даже до сороковыхъ годовъ.—Ученики его не боялись; готовили уроки по его предмету спусти рукава. Въ семинаріи предметъ его былъ не обязательный; успѣхи по нему ничего не общали; безуспѣшность ничѣмъ не грозила; ни начальство и никто изъ наставниковъ ничего не смыслили по нему и не обращали на него вниманія. Преподаватель татарскаго языка отбывалъ свою службу неупустительно— вотъ все, что могло сказать семинарское начальство, что сказала о себѣ и самъ покойный преподаватель, прибавивъ къ этому, что отбылъ добросовѣстно службу совершенно безплодную (въ томъ не его вина) и потому можетъ получать пенсію въ 85 р. 71¹/₂ к. съ покойною совѣстью, — безцѣльный и безплодный, но тщательный трудъ обходится душѣ мыслящей и чувствующей дороже, особенно когда онъ отбывается по наряду подневольному.

Иванъ Самойловичъ могъ быть рѣдкимъ, безпримѣрнымъ воспитателемъ и образователемъ учениковъ, съ которыми имѣлъ возможность сблизиться по семейному.—Вотъ фактъ, очень рѣзко выдающійся! Въ пятидесятыхъ годахъ градскимъ головою въ Астрахани былъ нѣкто Ф. Г. Голиковъ — коммерсантъ одинъ изъ капиталѣйшихъ. Привелось ему довольно долго и по разнымъ предметамъ и запросамъ бесѣдовать съ какою-то высокопоставленною особою, командированною для обревизованія провіантской, а можетъ быть и другихъ частей, подлежащихъ вѣдѣнію начальника губерніи. Сановникъ разставаясь съ градскимъ головою, по любопытству охотился освѣдомиться: въ какомъ учебномъ заведеніи онъ получилъ такое многостороннее и основательное образованіе? (градской голова былъ дѣйствительно человекъ рѣдкаго ума и многостороннихъ свѣдѣній). „Ни въ какомъ“ — былъ отвѣтъ. Какъ ни въ какомъ? А просто—у здѣшняго священника! Этотъ священникъ былъ Иванъ Самойловичъ Лебедевъ: онъ обучалъ всѣмъ предметамъ и, кажется, двумъ европейскимъ языкамъ—французскому и нѣмецкому и воспитывалъ сына и дочь (бывшую впоследствии въ супружествѣ съ здѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, доселѣ здравствующую) у богатаго астраханскаго купца Григорія Голикова. Съ своимъ ученикомъ онъ былъ въ короткихъ, самыхъ простыхъ и душевныхъ отношеніяхъ до его ранней кончины; ученику видѣлъ въ послѣдствіи, кажется, разъ, когда принимая отъ нея домъ купленный для епархіальнаго женскаго училища, при чемъ получилъ отъ нея въ подарокъ будущему училищу уступку 500 р. изъ условленной цѣны за домъ.

На память духовнымъ дѣтямъ покойнаго, дѣтски-безхитростнаго, беззлюбиваго и непамятозлюбиваго, сокровеннаго въ глубинѣ безпримѣрнаго смиренія старца, закончу его характеристику перечисленіемъ, хотя далеко не полнымъ, его талантовъ, изъ которыхъ всякій другой сдѣлалъ бы блестяще-прибыльное употребленіе, но которые всѣ обращены только на домашнее одинокое пользование и не по эгоизму.

Изъ древнихъ языковъ Иванъ Самойловичъ зналъ порядочно еврейскій— настолько, что могъ повѣрить правильность Лютерова-нѣмецкаго и Иеронимова-латинскаго переводовъ библіи по тексту подлинному—начальному; отлично владѣлъ латинскимъ, какъ всѣ лучшіе воспитанники старой семинаріи; успѣлъ въ изученіи греческаго настолько, что по окончаніи семинарскаго курса, назначенъ преподавателемъ въ духовное училище; англійскимъ языкомъ въ первые годъ своей службы владѣлъ какъ роднымъ, впоследствии— не имѣя съ кѣмъ говорить—поддерживалъ знаніе его только чтеніемъ англійской библіи; на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ читалъ свободно книги, но никогда не говорилъ; по татарски говорилъ также свободно, какъ природный татаринъ и при помощи татарскаго прочелъ коранъ на арабскомъ языкѣ съ достаточнымъ (какъ повѣрялъ по переводамъ) разумѣніемъ; подъ старость началъ было изучать калмыцкій языкъ; письмо разбиралъ, но далеко-ли успѣлъ въ разумѣніи читаемаго—неизвѣстно. Обладалъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ. Зналъ толкъ въ музыкѣ; изъ музыкальныхъ инструментовъ освоился въ совершенствѣ съ старинными гуслями, которыя и устроилъ для себя самъ до послѣдней части за исключеніемъ металлическихъ струнъ и вшитовъ, на которыхъ нервы натягиваются. Самъ себѣ кроилъ и шилъ кавталы, ряски, камилавки, сапоги. Самъ приготовлялъ себѣ кабинетную мебель, украшалъ свой кабинетъ живописью по стекламъ, хорошо воспитывалъ комнатныя деревья и цвѣты, приготовлялъ для себя розовую воду, стряпалъ пшучіе изъ ягодъ наптки, варенья даже изъ арбузныхъ корокъ. Всего и не перечести! Вотъ не успѣлъ состригати себѣ какого-нибудь салоката, когда отказались служить ноги, да и то потому, что руки ужъ не служили. Да упокойте Господь твою многохлопотливую, многострадальную, беззлюбивую душу, прекрасный старецъ— безхитростное дитя!

Законоучитель Гимназій, протоіерей Григорій Покровский.

Воскресеніе Христово.

Вотъ на небѣ, предъ зарею,
 Блескъ чудесный засіялъ,
 И, разлившись волною,
 Онъ надъ гробомъ Снаса сталъ.
 Въ томъ сіяніи небесномъ
 Херувимскій сонмъ леталъ;
 Божью пѣснь о днѣ воскресномъ
 Онъ для міра возглагалъ.
 О Христовомъ Воскресеніи
 Въ небѣ Ангелы поють,
 И о нашемъ искупленіи
 Вѣсть благовѣстную несутъ.
 Вотъ изъ сонма отдѣлился
 Бога Вѣчнаго Посоль,
 Въ путь далесій онъ пустился,
 Ко святому гробу шель.
 Херувима лишь чудесенъ:
 Весь, какъ молнія, горитъ;
 Онъ, воздушный,—такъ прелестенъ,
 Риза вся его блещитъ.
 И, легко взмахнувъ крыламъ,
 Въ Геосиманскій садъ летитъ;
 Окруженный облаками,
 Передъ гробомъ Онъ стоитъ.
 Мѣсто блескомъ здѣсь обліялъ,
 Камень гроба отвалилъ;
 И земля все потряслася;
 Вѣсть во ней такъ пронеслася.
 Ночервяки часомъ:
 Страхъ и ужасъ ихъ объялъ...
 Лѣтся звуки къ намъ святые:
 Намъ Христосъ возсталъ, возсталъ!
 Всталъ изъ гроба Царь небесный
 И, какъ солнце, засіялъ;
 Блескъ лучей Его чудесный
 И въ могилы проникъ.
 Мервецы узрѣли Бога,
 Пробудились отъ сна;
 Такъ изъ темнаго чертога
 Встѣ въ Саллѣхъ огнесена.
 А воскресшій намъ Спаситель—
 Такъ не видимъ больше намъ,
 Онъ являлся, Искупитель,
 Сталъ лишь праведнымъ людемъ.

* * *

Вотъ зари уже готова,
 Сводъ зардѣлся отъ неся;
 Край востока голубого
 Вѣсь вылазетъ отъ огня.
 Чистъ, прекрасенъ сводъ небесный,
 Утра блескъ покрывъ его;
 Тихъ, свежоетъ воздухъ вешній,
 Слышна радость изъ него.
 И Садины вотъ пробуждаются;
 Весь онъ свѣтомъ озаренъ;
 Домъ Пилата видѣлся;
 Страшнымъ дѣломъ оскверненъ.

Стража въ уянахъ бѣжала,
 Позраженная Христомъ;
 А въ саду жена рыдала,
 Исцѣленная Творцомъ.
 То Марія-Магдалина
 Къ гробу Господа пришла
 Муромъ мазать Вога Сна,
 Мертвеца же не нашла.
 Мрачность сада, гробъ открытый—
 Съ пеленами и платкомъ,
 Чѣмъ Спаситель былъ обвитый,
 И нѣман тишь кругомъ—
 Страхомъ душу наполнялъ
 Муроносицы святой,
 Сердце бѣдное сжималъ—
 Безугубною тоской.
 Слезы все она ронила
 На безчувственный гранитъ;
 Мыслью Господа искала
 И при гробѣ все стояла.
 Теперь исполнила Марія
 Муки прежнія свои—
 Какъ ее когда-то злило
 Страшно такъ терзати могли.
 Вотъ и звукъ Христова Слова:
 „Всемъ, видите изъ жены!“
 И теперь она здорова:
 Вѣра, жизнь и ей даны.
 Много чудныхъ дѣлъ Христовыхъ
 Такъ воскресли на душѣ,
 Много истинъ Божьихъ невахъ
 Проникались ей въ умъ.
 И вѣнокъ вмѣстѣ терновой,
 Смерть Господни на крестѣ,
 И изъ камня гробъ сей новый—
 Пелены въ немъ лишь одѣ.
 Горько, торько зарыдала
 Магдалина тутъ одна;
 Вдругъ гласъ съ неба услышала:
 Что ты плачешь такъ,—жена?
 Херувимы то сказали,
 И одежды ихъ блещали
 Чудной сѣбкой облизной
 Надъ могилою святой.
 Міру радость повищали,
 Слави Господа Христа,
 А въ рукахъ ихъ расцвѣтали
 Вѣтки райскаго куста.
 Вотъ явился и Спаситель
 Муроносицъ святой,
 Ранъ душевныхъ Исцѣлитель
 Обратился съ Словомъ къ ней:
 „Что, Марія, такъ рыдаешь?
 Въ гробѣ ищешь ты Творца!
 Ты ли Господа не знаешь?
 Въ Немъ ли видишь мертвеца?“

„Боже мой,—Учитель смертных!“
И поверглась съ словомъ снмъ
Та жена одна изъ первыхъ
Къ стопамъ Спасовымъ Святнымъ.
„Возвѣсти-же Магдалина
Всѣмъ Моимъ ученикамъ,

Да увидятъ Бога Сына
Въ Галилеи,—жду ихъ тамъ.“
Снова слышенъ хоръ небесный
Какъ поеть овъ гимнъ воскресный,
Вся земля полна чудесъ:
Днесь Спаситель нашъ воскресъ!

Левъ Вербицкій.

1881 года,
апрѣля 4 дня.

ОБЪЯВЛЕНІЕ:

Поступили въ продажу прекрасно-исполненные портреты Ихъ Величествъ:

Императора АЛЕКСАНДРА III и Императрицы МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

для частей войскъ, мировыхъ судей, волостныхъ и сельскихъ правленій, учебныхъ заведеній, разныхъ учрежденій и лицъ. Портреты, величиною каждый: 12¹/₂ вершковъ въ длину и 9 вершковъ въ ширину, исполнены на камнѣ по самымъ послѣднимъ фотографіямъ извѣстнымъ художникомъ-портретистомъ **П. Ф. Борелемъ** и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ тономъ.

Цѣна каждому портрету 1 р. съ пересылкою. За оба портрета вмѣстѣ: 2 р. съ пересылкою.

Книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Съ требованіями обращаться *исключительно*: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Иллюстрированный Миръ“, по Николаевской ул., д. № 48.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ оффиціальныи: Высшія правительственныя распоряженія: 1) Высочайшій Манифестъ. 2) Опредѣленія Св. Синода: I. О расходѣ на содержаніе причта и церкви при Васкунчакскомъ соляномъ промыслѣ. II, О Высочайшемъ соизволеніи на принятіе московскаго отдѣла распротр. дух.-правет. книгъ подъ Августѣйшее покровительство Государыни Цесаревны. III. О книгахъ М. Поторжнскаго: „Святоотеческая христоматія“ и „Историческая христоматія“. 2) Разныя извѣстія: Утвержденіе въ должностяхъ, опредѣленіе, перечисленіе и проч. **Отдѣлъ неоффиціальныи:** 1) О началѣ обыкновенія дарить другъ другу красныя лица во дни Св. Пасхи. 2) Некрологъ (окончаніе). 3) Воскресеніе Христово (стихи). 4) Объявленіе.

Редакторъ Я. Лебединскій.

Дозволено цензурою. Астрахань 9 апрѣля 1881 г.

Губернская Типографія.